

Первоначальное государственное освоение Русского Севера и Северного Зауралья в памятнике позднего (недостоверного) летописания

Анатолий Турилов, Алексей Чернецов

**The initial state development of the Russian North and Northern Trans-Urals
in the monument of the late (inauthentic) chronicle tradition**

*Anatoliy Turilov (Institute for Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow), Aleksey Chernetsov (Institute of Archaeology, Russian Academy of
Sciences, Moscow)*

DOI: 10.31857/S086956870007462-9

В отделе рукописей Государственного Исторического музея сохранился памятник позднего русского летописания, содержащий уникальный легендарный рассказ о первоначальном освоении Русского Севера и Зауралья, в частности, описание маршрутов полярного мореплавания. Этому тексту посвящены предварительные электронные публикации авторов настоящей статьи¹. Хроник Псковский («Книга в начале первобытного мира по алфавиту»), сохранился в единственном списке с датой 1689 г. (ГИМ, собр. И.Е. Забелина, № 460/468 (129)-Q). И.Е. Забелин (1820—1908) — один из основателей и организаторов Исторического музея, известный историк Москвы, специалист по истории повседневности, археолог, знаток и собиратель рукописей².

Текст Хроника представляет собой типичный памятник позднего «баснословного» летописания (типа «Сказания о Великом Словенске»³). Начальная часть памятника, в которой излагаются события всемирной (библейской) истории, начиная от Адама и Ноя, а также книжные предания о ранней истории славян в основном повторяет сведения, заимствованные из этого сказания. Дальнейшее изложение, не находящее близких соответствий в известных памятниках, посвящено преимущественно истории Псковской земли и, прежде всего, центральному образу Хроника — княгине Ольге. Дата создания памят-

© 2019 г. А.А. Турилов, А.В. Чернецов

¹ Турилов А.А., Чернецов А.В. Первоначальное освоение Подвинья и Поморья по Псковскому Хронику 1689 г. // Исследования Арктики в документах, памятниках и собраниях. Материалы Первой научно-практической конференции. Москва, Архив РАН, 15 марта 2016 г. М., 2016. С. 194—201 (URL: <http://arran.ru/?q=ru/publication&guid=80699DFD-0CAC-41E4-BD34-1A18669194BF>); Chernetsov A.V., Turilov A.A. An Occult Version of the Early Medieval History of Russia and Description of Arctic Navigation Routes in the *Pskov Chronicle* of 1689 // The Journal of the Hakluyt Society, January 2017. P. 1—17 (URL: http://www.hakluyt.com/journal_index.htm).

² Формозов А.А. Историк Москвы И.Е. Забелин. М., 1984.

³ Попов А.Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесённых в Хронографы русской редакции. СПб., 1869. С. 442—447; Гиляров Ф. Предания русской Начальной летописи. М., 1878. Приложение. С. 15—22.

ника (или дошедшего до нас списка) указана во вступлении к тексту (л. 3). Палеографические особенности рукописи вполне соответствуют этой дате⁴.

Известные до последнего времени памятники псковского летописания в текстологическом отношении представляют собой весьма трудную для сравнительного изучения группу памятников. К исследованию этих текстов учёные обращались неоднократно⁵. В псковских летописях содержится исключительно подробная информация о русско-ливонских отношениях, а также о событиях Смутного времени. Собственно псковские статьи в составе псковского летописания датируются с вокняжения Довмонта (1266). Во 2-м Архивском списке Псковской 3-й летописи специально оговаривается неясность вопроса о времени основания самого Пскова. «А о Плескове граде от летописания не обретается воспомянуто, от кого создан бысть и которыми людьми»⁶. Вероятно, составитель Кроника был знаком с основными памятниками псковского летописания и сознательно стремился заполнить имеющуюся в них лакуну, представив развернутую картину становления Псковской земли.

Кроник Псковский практически неизвестен в исследовательской литературе. Он не фигурирует в «Словаре книжников и книжности Древней Руси» и лишь мельком (без указания шифра) упоминается в предисловии М.Н. Тихомирова к изданию «Истории» В.Н. Татищева в ряду других памятников «баснословного» летописания: «Сошлёмся хотя бы на так называемый “Кроник Псковский”... В этом Кронике многие названия взяты от местных урочищ»⁷. Информацию о памятнике можно найти в ряде подготовленных нами предварительных публикаций⁸.

Большое место в Кронике уделено освоению ещё в дохристианское время просторов Русского Севера — Подвинья, Беломорья и побережья Северного Ледовитого океана (л. 22 об.—26 об. рукописи). Согласно тексту памятника, оно датируется временами Рюрика и Ольги (Рюрик, вопреки сведениям древнейшего летописания, выступает в этом тексте в роли первого супруга княгини). Можно предположить, что автором Кроника был дьяк или подьячий — пско-

⁴ Турилов А.А., Чернецов А.В. Деяния княгини Ольги в «Псковском Кронике» 1689 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 3(65). С. 58.

⁵ Насонов А.Н. О списках псковских летописей // Псковские летописи. Вып. I. М.; Л., 1941. С. XXIX—LXII; Насонов А.Н. Из истории псковского летописания // Исторические записки. 1946. Вып. 18. С. 255—294; Grabmüller H.-J. Die Pskover Chroniken. Untersuchungen zur russischen Regionalchronistik im 13—15. Jahrhundert. Wiesbaden, 1975; Grabmüller H.-J. Autoreferat // Russia Mediaevalis. Bd. 3. München, 1977. S. 132—134.

⁶ Псковские летописи. Вып. II. М., 1955. С. 73.

⁷ Тихомиров М.Н. О русских источниках «Истории Российской» // Татищев В.Н. Собрание сочинений. Т. I. История Российская. Ч. I. М., 1962. С. 51.

⁸ Турилов А.А., Чернецов А.В. «Кроник Псковский» в контексте русской «легендарной» историографии // Тезисы докладов участников VI международной конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 3(45). С. 113—114; Турилов А.А., Чернецов А.В. Легендарная версия ранней истории Руси в Псковском Кронике 1689 г. // Русь в IX—X вв.: общество, государство, культура. Тезисы докладов международной научной конференции. Москва, 6—8 ноября 2012 г. М., 2012. С. 85, 86; Турилов А.А., Чернецов А.В. «Кроник Псковский» в контексте русской легендарной историографии XVII в. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар им. академика В.В. Седова: материалы 58-го заседания (17—19 апреля 2012 г.). М.; Псков, 2013. С. 157—165; Турилов А.А., Чернецов А.В. Деяния княгини Ольги... С. 57—75; Чернецов А.В. «Кроник Псковский» 1689 г.: легендарная историография и астрологическая доктрина // Факты и знаки. Исследования по семиотике истории. Вып. 3. М., СПб., 2014. С. 114—182.

Рис. 1. Русский Север. На карте выделены топонимы и местности, упоминаемые в «Кронике».

1 — Нюхча (поселение, гавань), 2 — Лисестрово, 3 — Холмогоры и прилежащие топонимы, 4 — Шенкурск, 5 — Туровецкий погост, 6 — Вотлажемское городище, 7 — Устюг Великий.

вич по происхождению, обстоятельствами службы связанный с Подвиньем или Поморьем. При описании маршрутов северного мореходства используются глаголы в первом лице («поидох») и такие выражения, как «кочем моим». Эти особенности текста указывают на возможность использования путевых записей мореплавателя. Отметим специфические поморские термины, которыми обозначены ветры («летник», «побережник» и т.п.). Повышенное внимание составителя Кроника к гидрографии можно рассматривать как влияние важнейшего из используемых им источников — «Сказания о Великом Словенске». Историческая канва рассматриваемого повествования Кроника очевидно недостоверна. Всё же достаточно подробная гидрографическая информация, включающая множество реальных топонимов, ориентиров и маршрутов, представляет значительный интерес для сравнительного историко-географического и текстологического изучения. Характерно отсутствие в рассматриваемом тексте Груманта (Шпицбергена), что является дополнительным аргументом в пользу позднего освоения архипелага русскими поморами (вероятно, с 1720-х гг.). Любопытно, что представленная в Псковском Кронике панорама Русского Севера не включает упоминания Соловецких островов.

Уверенно показать на карте маршруты, описываемые в Кронике, едва ли возможно. Порядок топонимов, встречающихся в тексте, в ряде случаев выглядит хаотическим (рис. 1). Тем не менее список этих топонимов свидетельствует о довольно хороших и детальных познаниях. География рассматриваемого текста в целом соответствует основным маршрутам традиционного мореходства

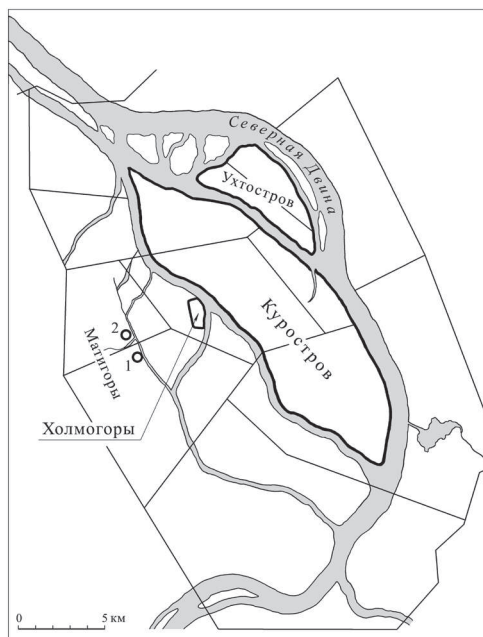

Рис. 2. Окрестности Холмогор. Показаны исторические топонимы: Кулоостров, Ухтоостров и Матигоры. Использована карта местных приходов 1890 г. 1 — церковь Воскресения Господня в Верхних Матигорах, 2 — церковь Бориса и Глеба в Нижних Матигорах.

поморов⁹. Путешествие Лисе, одного из легендарных первопоселенцев региона (см. текст, публикуемый в приложении) особенно детализировано. Оно охватывает преимущественно западную часть побережья от полуострова Канин до норвежской границы. Информация о Кольском полуострове и Белом море особенно обильна и детальна. Путешествие Ухто (еще один легендарный персонаж) включает более обширные просторы, лежащие к востоку. Информация о реках Вымь и Обь и их устьях фантастична. Тем не менее упоминание Выми существенно. Она представляла собой важный речной путь в северо-восточном направлении (от Устюга к бассейну Печоры). В устье этой реки находилась резиденция Великопермских епископов. Текст включает информацию о двух гнёздах поселений на Северной Двине — в окрестностях Холмогор и Архангельска (рис. 2) и поблизости от Устюга Великого (у границ современных Вологодской и Архангельской областей). Основное направление освоения Подвижья — вверх по течению, — несомненно, историческая ошибка. На самом деле славянские колонисты продвигались в противоположном направлении. При этом характерно, что, согласно Кронику, первые укрепленные «городки» были построены в верхнем течении Северной Двины и в Шенкурске (л. 23, 23 об.), тогда как укрепления Холмогор соорудили несколько позднее.

Историко-географическая информация о просторах Русского Севера наличествует в древнейших летописных памятниках. Софийская 1-я летопись под 1031 г. сообщает о неудачном походе новгородского боярина Улеба (очевидно,

⁹ Старков В.Ф. Удалённые промыслы русских поморов в XVII—XVIII вв. // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 241. М., 2015. С. 329, рис. 1.

Ульва Регнвальдссона, представителя знатного скандинавского рода) «за Железные врата» и о том, что из этого похода мало кто вернулся¹⁰. Можно полагать, что речь идёт о походе на Северное Приуралье. В Повести временных лет под 1078 г. сообщается о гибели в Заволочье новгородского князя Глеба Святославича¹¹. Там же находим сведения, полученные от Гюраты Роговича (под 1096 г.) о путешествии посланного им «отрока» на Печору и в Югру¹². Восточнославянская колонизация Русского Севера, а также начальный этап государственного и хозяйственного освоения этих территорий отражены в ряде археологических публикаций¹³. Важнейшими документами государственно-правового характера являются перечни волостей Великого Новгорода, известные по договорным грамотам Новгорода с князьями. Древнейший из них, сохранившийся в подлиннике, датируется 1264 г.¹⁴ Важнейшее значение для исторической географии Новгородской земли имеет текст договора Великого Новгорода с шведским королём Магнусом Эрикссоном 1323 г., в котором подробно описывается граница новгородских и шведских владений¹⁵. Древнерусский текст известен по списку XVII в., латинский — по рукописи XV в. Легендарные сведения о плаваниях новгородских мореходов содержатся в известном «Послании новгородского архиепископа Василия к тверскому епископу Федору о земном рае» (ок. 1347 г.)¹⁶. В нём исследователи находят, в частности, описание Гольфстрима и северного сияния. Маршрут путешествия «к Печоре, Югре и до самой реки Оби» описан С. Герберштейном в его «Записках о Московии»¹⁷. Этот текст, несомненно, заимствован из русских источников и представляет собой важный материал для изучения истории отечественных географических знаний. Несколько иной маршрут путешествий в том же направлении описан в Пермском дорожнике, известном по списку первого десятилетия XVI в.¹⁸ Любопытный очерк гидрографии Пермской земли находится в «Житии Стефана Пермского», написанном Епифанием Премудрым¹⁹. Известный миссионер, первый епископ Пермский Стефан умер в 1396 г. Житие было составлено вскоре после смерти святого. Освоение просторов Русского Севера и Зауралья отражено в многочисленных исследованиях и публикациях, посвящённых монастырской колонизации этих регионов и миссионерской деятельности, приведшей к христианизации аборигенного населения²⁰. Книга

¹⁰ ПСРЛ. Т. 5. СПб., 1851. С. 136.

¹¹ Там же. Т. 1. М., 1962. Стб. 199.

¹² Там же. Стб. 234, 235.

¹³ Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI—XIII вв. М., 1997; Ясински М.Э., Овсянников О.В. Взгляд на Европейскую Арктику. Архангельский Север: проблемы и источники. Т. I—II. СПб., 1998.

¹⁴ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. С. 9.

¹⁵ Sverges traktater med främmande magter jemte andra dit hörande handlingar, utgifne af O.S. Rydberg. Delen I. Stockholm, 1877. P. 442, 443; Грамоты Великого Новгорода и Пскова. С. 67, 68.

¹⁶ Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV в. М., 1981. С. 44, 46, 48; 533, 534 (примеч.).

¹⁷ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 156—161.

¹⁸ Плигузов А.И. Текст-кентавр о сибирских самоедах. М., 1993. С. 24—27.

¹⁹ Житие святого Стефана Пермского, написанное Епифанием Премудрым. СПб., 1897. С. 9; Чернецов А.В. Стефан Пермский — миссионер и просветитель: реликвии, письменные и изобразительные источники // Труды IV(XX) всероссийского археологического съезда в Казани. Т. III. Казань, 2014. С. 681—684.

²⁰ Абрамов Н.А. О введении христианства у березовских остяков // Журнал министерства народного просвещения. Ч. 72. 1851. № 10—12; Муравьев А.Н. Русская Фиваида на Севере. СПб.,

Большому чертежу, дошедшая до нас в редакции 1627 г., содержит подробную информацию о северных территориях Европейской России²¹. Она может быть дополнена материалами писцовых книг XVI—XVII вв.²² Деятельность русских землепроходцев и мореходов отражена в многочисленных исследованиях и публикациях²³. В 1701 г. архиепископ Холмогорский Афанасий создал «Описание трех путей... из поморских стран в Швецкую землю»²⁴. Ряд публикаций посвящён ранним поморским лоциям, связанным с традициями мореплавания XVII в.²⁵

Сведения средневековых скандинавских источников о путешествиях викингов на Белое море и в Биармию анализировались в специальных исследованиях²⁶. Отметим важную информацию о Русском Севере в известной книге

1855; *Абрамов Н.А.* Христианство в Сибири до учреждения там в 1621 г. епархии // Странник (Екатеринбург). 1865. № 3—8. С. 75—87; *Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871; *Яхонтов И.А.* Жития святых севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник: составлено по рукописям Соловецкой библиотеки. Казань, 1881; *Чаев Н.С.* Из истории крестьянской борьбы за землю в вотчинах Антониева-Сийского монастыря в XVII в. // Исторический архив. Т. I. М.; Л., 1936; *Алексеев Е.А.* Христианизация на Туруханском Севере и её влияние на мировоззрение и религиозные культы кетов // Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири. Л., 1979. С. 50—59; *Кузакова Е.А.* О крещении ханты и манси. Христианизация народов Тобольского Севера в XVII—XVIII вв. // Сибирский тракт (Тюмень). 1993. № 3. С. 27—28; *Главацкая Е.М.* Христианизация населения Северо-Западной Сибири // Культурное наследие Азиатской России. Материалы I Сибиро-Уральского исторического конгресса. Тобольск, 1997. С. 95—96; *Шуилов Е.Ф.* Цивилизующая миссия церкви среди восточных финнов России XVI — начала XX в. // Религия и церковь в Сибири и на Урале. Тобольск, 1997; *Зольникова Н.Д.* Традиции православия в Сибири. Конец XVI—XIX в. // Сибирская икона. Омск, 1999. С. 10—34; *Митрофан (Баданин), иером.* Блаженный Феодорит Кольский, просветитель лопарей. Исторические материалы к прославлению и написанию жития. Мурманск, 2002; *Говорова А.Н.* Житие преподобномученика Симона Воломского // Вестник церковной истории. 2008. № 4(12). С. 5—60.

²¹ Книга Большому чертежу. М.; Л., 1950; *Огородников Е.К.* Мурманский и Терский берег по Книге Большому чертежу // Записки Русского географического общества по отделению этнографии. Т. 2. СПб., 1869; *Огородников Е.К.* Прибрежья Ледовитого и Белого морей с их притоками по Книге Большому чертежу. СПб., 1875.

²² Писцовые книги Русского Севера / Сост. Н.П. Воскобойникова. Вып. 1. М., 2001.

²³ *Окладников А.П.* Русские полярные мореходы XVII века у берегов Таймыра. М., 1948; *Лебедев Д.М.* География в России XVII века (допетровской эпохи) М.; Л., 1949; Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на Северо-Востоке Азии. Сборник документов. М., 1951; *Лебедев Д.М., Есаков В.А.* Русские географические открытия и исследования с древних времён до 1917 года. М., 1971; *Магидович И.П., Магидович В.И.* Очерки по истории географических открытий. Т. II. М., 1983; Т. III. М., 1984; *Никитин Н.И.* Сибирская эпопея XVII века. Начало освоения Сибири русскими людьми. М., 1987; *Никитин Н.И.* Русские землепроходцы в Сибири. М., 1988; Открытия русских землепроходцев в XVII веке // «Колумбы земли русской». Сборник документов, описаний об открытиях и изучении Сибири, Дальнего Востока и Севера в XVII—XVIII вв. Хабаровск, 1989. С. 21—94; *Старков В.Ф.* Очерки истории освоения Арктики. Т. II. Россия и Северо-Восточный проход. М., 2001; *Зольникова Н.Д.* Ранние русские известия об Урале и Зауралье. Строгановы и продвижение к Уралу в 1550—1560-х гг. (URL: <http://frontiers.nsc.ru/article.php?id=1>).

²⁴ *Дмитриев Л.А.* Новый список «Описания трех путей» Афанасия Холмогорского // Археографический ежегодник за 1958 год. М., 1960. С. 335—349.

²⁵ *Морозов Н.В.* Мореходная книга, или Лоция Беломорских поморов // Записки по гидрографии. Т. XXX. СПб., 1909. С. 269—306; *Алимова Т.А.* Два памятника письменности Древлехранилища Пушкинского Дома о русско-скандинавских связях XVIII—XIX вв. // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (далее — ТОДРЛ). Т. 31. СПб., 1976. С. 390—392; *Гемп К.П.* Выдающийся памятник истории поморского мореплавания XVIII столетия. Л., 1980; *Шундалов И.Ю., Савинов М.А.* Поморские лоции как исторический источник // Соловецкое море. 2007. № 6. С. 31—42; «Река Кушерецка»: мореходная книга XVIII века. Архангельск, 2011; *Матонин В.Н.* Мореходная книга «Река Кушерецка»: феномен беломорской лоции XVII—XVIII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 3(69). С. 83—84.

²⁶ *Тиандер К.* Поездки скандинавов в Белое море. СПб., 1906.

Олауса Магнуса²⁷. С XVI в. ряд важных сведений о северной России связан с английскими мореплавателями²⁸. Авторам не удалось обнаружить в перечисленных памятниках выразительных параллелей рассматриваемому историко-гидрографическому повествованию Псковского Кроника.

Обращаясь к вопросам исторической географии и топонимики региона, авторы помимо упомянутых выше работ пользовались сведениями и материалами, собранными в публикациях А.А. Куратова и С.А. Шарова-Делоне²⁹. Интересный анализ русских картографических материалов XVII в. можно видеть в работе В. Кивельсон³⁰. Ряд публикаций посвящён критическому анализу сомнительной информации, содержащейся в некоторых работах по данной теме³¹. Авторы не претендуют на представление в данной статье исчерпывающей библиографии исследований, имеющих отношение к рассматриваемой проблематике.

В Кронике наличествует ещё один уникальный гидрографический пассаж. Это описание бассейна Чудского озера, который, по-видимому, воспринимался как естественная граница Псковской земли (л. 17, 18 об., 19). В рукописи оно отмечено заголовком: «Описание Великого ручья» (т.е. р. Великой — л. 18 об.)³².

Весьма фрагментарно представлены в Кронике сведения о Сибири. На л. 18 об. упоминается «Сибирская страна». Из числа сибирских рек наряду с Обью названы «беловидныя воды Иртыша реки. Та бо река бела, яко млеко» (л. 11). Среди народов, подчинявшихся легендарному Гостомыслу, отмечены якуты и «ослеки» (очевидно, «остеки», т.е. остяки, ханты — л. 18 об.).

Для того чтобы правильно оценить историко-географические сведения, вошедшие в состав Псковского Кроника, необходимо рассматривать их в составе всего комплекса данных, отражающих образовательный и культурный уровень составителя текста. Рукопись, в составе которой дошёл до нас текст Кроника, включает фрагменты ещё двух сочинений. Одно из них содержит географиче-

²⁷ *Olaus Magnus. Historia de Gentibus Septentrionalibus. Roma, 1555; Савельева Е.А.* Олаус Магнус и его «История северных народов». Л., 1983.

²⁸ См.: *Hakluyt R. The Principal Navigations, Voiages, Traffiques and Discoueries of the English Nation. L., 1589 (revised edition 1600); Purchas S. Hakluytus Posthumus, or Purchas his Pilgrimes. L., 1625 (URL: <http://www.hakluyt.com/hak-soc-bibliography.htm>)*. См. также: *Rude & barbarous kingdom: Russia in the accounts of sixteenth-century English voyagers. Madison, 1968; Рогожин Н.М.* Проезжая по Московии (Россия XVI—XVII веков глазами дипломатов). М., 1991; *Рое М. Foreign Descriptions of Muscovy: An Analytic Bibliography of Primary and Secondary Sources. Columbus (Ohio), 1995; Мединский В.Р.* Проблема объективности в освещении европейцами российской истории второй половины XV—XVII веков. М., 2010.

²⁹ *Куратов А.А.* Археологические памятники Архангельской области. Каталог. Архангельск, 1978; *Шаров-Делоне С.А.* К вопросу об историческом контексте формирования культуры Русского Севера // *Иконы Русского Севера: Двинская земля, Онега, Каргополье, Поморье. М., 2005. С. 33—47.*

³⁰ *Kivelson V. Cartographies of Tsardom: The Land and Its Meanings in Seventeenth-Century Russia. Ithaca (N.Y.), 2006.* См. также рецензию на опубликованный русский перевод этой книги: *Наумов Е.Ю.* Карты Московии: голография очевидного. Рецензия на книгу: Кивельсон В. Картографии царства. Земля и её значения в России XVII века / Пер. с англ. Н. Мишаковой; науч. ред. пер. М. Кром. М., 2012 // *Исторический вестник. 2013. № 6(153). С. 296—309.*

³¹ *Мавродин В.В.* Против фальсификации истории географических исследований // *Известия Всесоюзного географического общества. Т. LXC. М.; Л., 1958. С. 82—83, 90—91; Козлов В.П.* Обманутая, но торжествующая Клио. Подлоги письменных источников по российской истории в XX в. М., 2001. С. 78—86.

³² *Турилов А.А., Чернецов А.В.* «Кроник Псковский» в контексте русской легендарной историографии XVII в. С. 160.

скую информацию. Это «Описание расстояний некоторых городов от царствующего града Москвы» А.А. Виниуса (1647—1717)³³ (л. 64—68 об.). Виниус, служивший в Посольском приказе переводчиком, создал это сочинение в 1667 г. Отметим, что текст Кроника включает фразу, по-видимому, возникшую под влиянием «Описания» Виниуса. «Прага, столица Ческаго королевства и Возьския (Волошской?) земли, отстоит от Великого Нова града 2250 верст, ход морем (!)» (л. 27 об.).

Второе — фрагмент пророчества о конце света — апокрифическое «Видение Даниила» (л. 58—63 об.)³⁴. Фрагмент сходной редакции этого текста включён в «Повесть о взятии Царьграда» Нестора-Искандера³⁵.

Кроник носит ярко выраженный компилятивный характер. Во вступлении указано, что составитель «списывал сий кроник... з древних кроников» (л. 3). Анализ текста подтверждает составной характер памятника. Одним из основных источников было уже упомянутое «Сказание о Великом Словенске». Сведение о постройке двух псковских церквей в 1417 г. (л. 3), очевидно, является выпиской из другого рукописного источника. Ряд сообщений о княгине Ольге в целом соответствует данным древнейшего летописания, и, скорее всего, восходит к какой-то их позднейшей переработке. На л. 8 об. имеется ссылка на византийскую историографию («о нем же греческая история после изъяснит»).

В текст Кроника вставлены три поучения Константинопольского патриарха Геннадия (при котором, вопреки реальной хронологии, была якобы крещена Ольга — л. 43—49 об.). Христианская доктрина излагается с преобладающим вниманием к обрядовой практике и изощрёнными символическими толкованиями. В тексте представлены антикатолические мотивы. Однозначные признаки связи рукописи со старообрядческой традицией отсутствуют, но точки соприкосновения с нею, безусловно, есть. К числу вставленных в основной текст отрывков инородного происхождения, вероятно, следует отнести и публикуемый текст, повествующий об освоении Русского Севера.

Кроник, несомненно, отражает знакомство своего создателя с начатками школьной схоластической образованности своего времени. Сочинение озаглавлено: «Сия книга в начале первобытного мира по алфавиту» (л. 3 об.). Очевидно, «по алфавиту» в данном случае означает «по Азбуковнику». Кириллическая маркировка разделов не организована в алфавитном порядке. Разделяющие их буквы являются своеобразными инициалами (как правило, соответствуют начальной букве следующего абзаца). Азбуковники — характерные словари-справочники той эпохи, неперенные атрибуты энциклопедической эрудиции³⁶. На л. 6 об., 8, 9 используется дидактическая вопросно-ответная (катехизическая) форма изложения. Два раза в тексте (один из них в «Видении Даниила») фигурирует слово «толк» («толкование» — л. 46 об., 60). Очевидно знакомство составителя текста с преподавательской практикой, а также с комментаторской традицией.

³³ Тарковский Р.Б. Виниус А.А. // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. СПб., 1992. С. 175—181; Вып. 3. Ч. 4. Дополнения. СПб., 2004. С. 679; *Boterbloem K. Moderniser of Russia: Andrei Vinus, 1641—1716.* Basingstoke, 2013.

³⁴ Истрин В.М. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах. Исследование и тексты. М., 1897.

³⁵ Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV в. М., 1982. С. 264—267, 607 (примеч.).

³⁶ Карпов А.П. Азбуковники или алфавиты иностранных речей. Казань, 1877.

Для характеристики эрудиции составителя Кроника отметим, что он не чужд интереса к тайным знаниям, конкретно к астрологии³⁷. В рукописи представлены многочисленные гадательные знаки, связанные с так называемой геомантией — довольно примитивным гаданием, выступавшим как дочернее ответвление астрологии, использовавшим её базовые понятия и терминологию. Такие знаки сопровождают в рукописи имена, гидронимы и даже румбы розы ветров. Любопытно, что знаки включены не только в тексты исторического содержания, но и в эсхатологическое «Видение Даниила». В последнем случае гадательные знаки используются по прямому назначению, для предсказания будущего. Крупные хронологические отрезки носят в Кронике название «домов», т.е. связываются с «небесными обителями» — домами гороскопа. Адепты астрологической доктрины считали именно эту науку вершиной человеческой премудрости. Составитель текста Кроника, сочетавший специальный интерес к истории и географии с значительными познаниями в области теологии и тайных знаний, владеющий риторическими литературными приёмами, явно испытывавший влияние схоластического образования, несомненно являлся представителем интеллектуальной элиты кануна петровских реформ.

По отношению к Псковскому Кронику, так же как и по отношению к другим памятникам позднего «баснословного» летописания, возникает вопрос: какие соображения и пристрастия побуждали создателя этого текста искажать более достоверные свидетельства, сохранявшиеся в рукописной традиции, и дополнять их собственными домыслами. Задача осложняется тем, что подобные тексты, и Кроник в том числе, отмечены компилятивным характером, причём они могли включать отрывки, отражающие несогласованные между собой различные идейно-политические настроения. В случае с Псковским Кроником обращение к этому вопросу представляется совершенно необходимым, поскольку в этом позднем памятнике прослежен ряд выразительных текстуальных совпадений с Повестью временных лет³⁸. Эти совпадения являются несомненным свидетельством знакомства составителя Кроника с древнейшим летописанием или его вторичными филиациями. Попытаемся охарактеризовать религиозную и общественно-политическую позицию составителя Кроника (или заказчика этого сочинения), исходя из характера тех изменений и дополнений, которые отличают его повествование от более ранних летописных текстов.

Составитель Псковского Кроника, очевидно, считает себя православным. При этом в тексте наличествуют проявления подчёркнутой религиозной нетерпимости по отношению к исламу, католицизму и протестантизму. Одно из поучений патриарха Геннадия, согласно Кронику, крестившего Ольгу, включает (вопреки исторической хронологии), осуждение Лютера и Кальвина (л. 49). Среди тех, кому должен быть запрещён вход в православные храмы, упоминаются малороссияне. Очевидно, подобное отношение к последним связано с распространением на Украине унии.

Подобный религиозный ригоризм можно было бы предположительно связать с симпатиями к старообрядчеству. Действительно, в тексте рукописи на л. 43, 49 об. и 60 об. находим старообрядческое чтение текста Символа веры («а не сотвореннаго»). На л. 21 в качестве даты Рождества Христова указан

³⁷ Турилов А.А., Чернецов А.В. «Кроник Псковский» в контексте русской легендарной историографии XVII в. С. 160—164.

³⁸ Чернецов А.В. «Кроник Псковский» 1689 г. ... С. 129.

5500 год от Сотворения мира, вместо принятого в «никонианской» и западноевропейской традициях 5508. Написание имени Иисус в рассматриваемой рукописи отмечено непоследовательностью («Иисус» на л. 33 об., 39—40 и 62). Подобная непоследовательность выглядит странно для эпохи жестоких преследований старообрядчества, но она встречается в рукописях рубежа XVII—XVIII вв. и в надписях на гравированных народных картинках, относящихся к так называемому старообрядческому лубку³⁹. Вероятно, она могла быть связана с коммерческой деятельностью писцов, обслуживавших клиентов, принадлежавших к разным религиозным направлениям. Всё же предположительная связь переписчика Кроника со старообрядческой средой находится в противоречии с неоднократным упоминанием использования на литургии 5 (а не 7, как считается правильным у большинства староверческих согласий) просфор (л. 42 об., 49, 53 об.). Возможно, эти противоречия свидетельствуют о ещё незавершённом, находившемся в стадии становления процессе конфессионализации русского общества⁴⁰.

Христианские декларации в тексте Кроника должны быть как-то согласованы с признаками приверженности его составителя астрологической доктрине. Это упоминание крупных хронологических отрезков, фигурирующих под названием «домы» (соответствующих домам гороскопа) и наличие в тексте многочисленных астрологических значков (так называемых геомантических фигур). На л. 20 об. упоминаются «домы рафлейские», т.е. имеет место прямая отсылка к книге Рафли, отнесённой Стоглавым собором 1551 г. к числу «злых, ересных»⁴¹. Однако рукопись этой преследовавшейся Церковью гадательной книги содержит многочисленные христианские декларации и молитвы. Эта черта характерна и для многих других древнерусских гадательных и магических текстов (например, сборников колдовских заговоров). Отметим, что в рукописи книги Рафли, так же как и в рассматриваемой рукописи, содержащей Псковский Кроник, встречаются непоследовательные написания имени «Иисус». Большая часть текста Рафлей переписана почерком, близким к характерному поморскому полууставу.

Возможность совмещения принадлежности к одному из старообрядческих согласий с обращением к астрологии можно видеть в рукописных сборниках заонежских крестьян Корниловых⁴². Признаки связи рукописи с каким-то конкретным направлением староверчества не выявлены.

Изложение некоторых новозаветных событий в одном из вставленных в текст Кроника поучений патриарха Геннадия следует не каноническим Евангелиям, а апокрифическому Никодимову евангелию (л. 44—45)⁴³. Подобный интерес к апокрифическим текстам, несмотря на неоднозначное отношение к ним православной Церкви, вполне соответствует традициям древнерусской книжности.

³⁹ Райан В.Ф. Баян в полночь. Исторический обзор магии и гаданий в России. М., 2006. С. 335.

⁴⁰ Лавров А.С. Колдовство и религия в России. 1700—1740 гг. М., 2000. С. 60—74.

⁴¹ Стоглав: царские вопросы и соборные ответы о многообразных церковных чинах. М., 1890. С. 182, 188; Турилов А.А., Чернецов А.В. Отреченная книга Рафли // ТОДРЛ. Т. 40. Л., 1985. С. 260—344.

⁴² Воробьёва С.В., Пигин А.В., Шилов Н.И. Рукописные заговоры-молитвы из библиотеки заонежских крестьян Корниловых // Отреченное чтение в России XVII—XVIII веков. М., 2002. С. 236—238, рис. 16.

⁴³ Чернецов А.В. «Кроник Псковский» 1689 г. ... С. 134.

Политические воззрения составителя Кроника вполне можно назвать монархическими. Уже древнейший правитель Новгорода, легендарный Гостомысл, именуется «старейшиной великим князем» (л. 13 об.). При этом Гостомысл считает необходимым обратиться за новым правителем «в Прускую землю к скипетродержавным». «В той земли живут по роду кровницы суще Августу кесарю обладатели» (л. 20). «И скипетродержавнии великии цари Пруския земля даша им того своего великого князя Рюрика» (л. 22). Данный пассаж, несомненно, восходит к «Сказанию о князех Владимирских».

Однако существо монархической легенды — обоснование державных прав великих князей и царей Московских в Псковском Кронике — полностью утрачено, поскольку и Рюрик, и Ольга, согласно этому тексту, умерли бездетными. Впрочем, в конце XVII в. генеалогическая легенда «Сказания о князех Владимирских» в значительной мере потеряла актуальность, поскольку династия Романовых не происходит от Рюрика.

В тексте Псковского Кроника мотив призвания князей, который в Начальной летописи соотнесён только с Рюриком и его братьями, становится повторяющимся. При этом призванию иноземца (Рюрика), согласно уникальным сведениям Кроника, предшествует призвание славянского правителя (Славена Младого) в землю чуди, в результате чего, по мысли составителя текста, складывается территория Псковской земли с первоначальной столицей в Изборске. Призвание Славена сопровождается заключением договора (л. 15 об.). После смерти Рюрика в Новгород приезжают «братья» Игорь и Олег Ольгердовичи («Олегердовичи»). После совещания Ольги с подчинёнными ей «князьями и владомыи» Игорь становится новгородским князем. Это опять-таки закрепляется договором (л. 28).

Создаётся впечатление, что по представлениям, отразившимся в тексте Кроника, монархическая власть органически вытекает из народовластия, первоначальной практики призвания князей и договорного права. В подобных построениях можно видеть скрытую ностальгию по утраченным псковским вольностям, ярко отразившуюся, например, в «Сказании о Псковском взятии»: «Град Псков никоим же князем владом бе, но на своей воле живяху в нем сущии людие»⁴⁴. Фантастические отчества Игоря и Олега напоминают о случаях призвания на псковский стол выходцев из Литвы (начиная с Довмонта).

Поскольку в Кронике отсутствуют упоминания о сыне княгини Ольги Святославе, вопрос о генеалогии Владимира Святославича оказывается затемнённым. О его происхождении говорится «родом бо той Владимир из земли Варяжской» (л. 56 об.). По-видимому, и с этим князем в Кронике связывались представления о призвании чужеземца. В данном случае на составителя текста могла повлиять вырванная из контекста статья Псковской 2-й летописи. «Начало княжения Володимира. В лето 6488. Прииде Володимир из заморья к Новугороду»⁴⁵.

Устранение из текста (и княжеской генеалогии) Святослава (его имя опущено в составе цитаты, восходящей к тексту Повести временных лет), очевидно, связано с тем, что историческая фигура этого языческого князя плохо вписывалась в схему, согласно которой заслуга крещения Руси приписывалась Ольге. При этом Владимиру отводится более скромная роль «крестившего

⁴⁴ Псковские летописи. Вып. II. С. 253.

⁴⁵ Там же. С. 10.

святым крещением всю землю Синдерскую (в данном случае древлянскую), ныне наричетсѣ град Киев» (л. 56 об.).

Стремление приукрасить историю России отразилось в попытке приписать её первым правителям исключительную древность, преувеличить территории, на которые якобы распространялась их власть, приписать им небывалые победоносные походы в дальние страны. Первые правители «скифо-словенорусских» племён оказываются ближайшими потомками Ноя. Упоминаемый в Кронике внук Иафета Скиф (л. 8), очевидно, соответствует ветхозаветному Аскеназу (Быт. 10: 2—3), также приходившемуся внуком этому библейскому патриарху. Упоминаемые в Кронике Великославен, Рус, Лах, Лахерн и три брата Асан, Великосан и Авенгасан известны также по другим памятникам «баснословного» летописания, прежде всего по уже упоминавшемуся «Сказанию о Великом Словенске». Поэтому соответствующие повествования не могут быть с уверенностью связаны с личными пристрастиями составителя Кроника или заказчика, которому тот стремился угодить.

К числу новшеств, по-видимому, внесённых в текст самим составителем Кроника, относится сдвиг хронологии деяний первых князей в сторону удревления. Согласно датам, указанным в Кронике, события, отнесённые в Повести временных лет к IX—X вв., переносятся в V в. Эти анахронизмы используются в тексте Кроника довольно последовательно, хотя в отдельных случаях встречаются даты, противоречащие общей хронологической канве повествования⁴⁶. За этими исключениями могут стоять арифметические ошибки или простые описки.

Можно предположительно установить причину несоответствия хронологии Кроника данным древнейшего летописания. Вероятно, это было неправильное прочтение даты летописной записи, оказавшейся в руках составителя Кроника⁴⁷. Во всяком случае, последний, несомненно, использовал своё прочтение этой даты для обоснования отнесения деятельности Рюрика и Ольги к гораздо более глубокой древности, чем даты, указанные в Повести временных лет.

В своём стремлении придать отечественной истории большую хронологическую глубину составители памятников «баснословного» летописания должны были решать задачу «растягивания» и дополнения генеалогий правителей. Фиктивные персонажи получали имена, образованные из этнонимов и топонимов, а также заимствований из книжной традиции. Увеличение списка достигалось, в частности, путём повторов. В тексте Кроника Славен, Великославен и Рус выступают как собственные имена нескольких разновременных персонажей. Внук и правнук Гостомысла — Зборск и Изборск — явно появились в результате «удвоения» одного персонажа, имя которого образовано из названия города. Главная героиня Кроника — княгиня Ольга — также имеет двойника. Это легендарный персонаж, выступающий в роли её матери — Олега (Олегия) Великославна. Очевидно, в распоряжении составителя Кроника имелись две легендарные версии, в которых фигурируют разные имена отца Ольги — Великославен и Изборск. По-видимому, в одной из этих легенд Ольга была представлена, в соответствии с древнейшим летописанием, как супруга Игоря, а в другом, вопреки сведениям ранних источников, как жена Рюрика. Составитель Кроника (или какой-то его предшественник) решил объединить обе версии.

⁴⁶ Чернецов А.В. «Кроник Псковский» 1689 г. ... С. 124, 125.

⁴⁷ Турилов А.А., Чернецов А.В. Деяния княгини Ольги... С. 60, 61.

Чтобы избежать обвинения Ольги в кровосмесительном браке с собственным сыном, создатель легендарного повествования представляет Игоря не сыном Рюрика, а очередным пришельцем, прибывшим на Русь и принявшим княжескую власть. Нельзя не отметить, что такое насилие над древней генеалогической традицией, по существу, полностью выхолащивает основной смысл поздней версии предания о призвании варягов и о римском происхождении Рюрика, предания, созданного для обоснования династических амбиций Рюриковичей.

Наряду с «удвоением» имён отдельных персонажей в Кронике встречается удвоение эпизодов их биографий. И Олег, и Игорь оказываются жертвами древлян (дреговичей). Уже упоминалось, что мотив призвания князей и заключения с ними договоров в Кронике повторяется. Перенос предания с одного персонажа к другому можно видеть в сообщении о смерти Зборска от укуса змеи (л. 16). Очевидно, мотив восходит к рассказу Повести временных лет о смерти Вещего Олега.

Преувеличенные сведения о территориальной экспансии восточных славян связаны, в частности, с именами легендарных князей Асана, Великосана и Авенгасана. Согласно тексту Кроника, их власть распространялась на Западную Сибирь, бассейны Оби и Иртыша (л. 11). Кроме того, сообщается, что эти князья воевали в Египте и «иерусалимских странах» (л. 11 об.). В других памятниках «баснословного» летописания указывается, что они были современниками Александра Македонского⁴⁸. В соответствии с древними преданиями о дунайской прародине славян в Кронике сообщается об их неоднократных переселениях и походах на Дунай (л. 12 об., 12, 13 об., 28 об.).

На л. 18, 18 об. приведён перечень племён, подвластных Гостомыслу. Среди них ряд восточнославянских: полочане, бужане, дреговичи, кривичи («сиречь смольяне»), древляне. Поляне также фигурируют в этом списке, но составитель Кроника однозначно отождествляет их с поляками. Отметим, что в тексте Повести временных лет упоминаются два славянских племени, носивших одинаковое название «поляне» — «от тех ляхов прозвашася поляне»⁴⁹, а также киевские поляне. Наряду с восточнославянскими племенами среди подданных Гостомысла перечисляются также западно- и южнославянские — поляне-поляки, мазовшане, сербы и болгары (в последнем случае не исключено, что речь идёт о неславянском населении Волжской Болгарии). Из числа балканских народов наряду с болгарами и сербами, упоминаются «мутяне» — жители Мунтении (восточная часть Валахии). Упоминание этих народов, территории которых находилась за пределами Древнерусского государства, вероятно, связано с архаическим средневековым панславизмом, наследием кирилло-мефодиевских традиций.

В рассматриваемом тексте также фигурируют многочисленные неславянские народы, преимущественно финно-угорского происхождения: чудь, меря, мурома, лопи (лопари, саамы), мордва, черемисы (мари), пермяки (коми), вотяки (удмурты), остяки (ханты; в рукописи «ослеки»), башкиры. Упомянутые в этом списке марийцы и башкиры вошли в состав Русского государства лишь после завоевания Казанского ханства. В список также включены якуты, с которыми русские познакомились лишь в середине XVII в., а также бухарцы, при-

⁴⁸ Карамзин Н.М. История Государства Российского. Кн. I. Т. I—IV. М., 1988. С. 26, примеч. 70.

⁴⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 6.

знавшие вассальную зависимость от Российской империи во второй половине XIX в. Учитывая особый интерес составителя Кроника к освоению Подвинья и Поморья, обращает на себя внимание отсутствие упоминаний в тексте таких этнонимов, как карелы, «самоядь» (ненцы), чудь заволошская, югра. Рассмотренный выше перечень народов, несомненно, является позднейшей переработкой подобных списков, представленных в Повести временных лет⁵⁰.

Согласно тексту Кроника, князь Олег воевал «в полуденной стране, по реки Непру (Днепру), на Синдерех (в земле древлян), и на сербех, и на волоских князех, и по Дунаю реки» (л. 28 об.). В древнейшей летописи упоминается лишь легендарный поход Олега на Царьград; о его столкновениях с сербами и волохами не сообщается. Впоследствии, согласно Кронику, Игорь «пойде по Понту на страну Финическую (Финикию), и дойде до Ираклии, и до Флигонския земли (Пафлагонии), и всю Никомидийскую землю пленяя... и поидоша по Дунаю» (л. 31 об.). По-видимому, составитель Кроника перенёс на Олега и Игоря подвиги, совершённые на Дунае не упоминаемым им Святославом.

В Кронике княгине Ольге приписывается закладка и построение ряда церквей в Новгороде, Пскове и его округе (л. 54—57). В ранней рукописной традиции подобные сведения отсутствуют. При этом в Степенной книге указано, что Троицкий собор Пскова был сооружён на средства этой княгини⁵¹.

Интерес составителя Кроника к географии отразился в его описании паломничества княгини Ольги в Святую землю, которое в других источниках не упоминается. Находящееся в составе того же кодекса эсхатологическое сочинение («Видение Даниила»), очевидно, было задумано как послесловие к историческому повествованию. Видение, также как и Кроник, включает вставленные в строки текста астрологические значки. Это пророчество о конце света описывает события, которые должны произойти за пределами Руси, в Восточном Средиземноморье. Пространственный текст, посвящённый освоению Подвинья и Поморья, также свидетельствует о повышенном интересе к географии. Кроме того, этот текст, вопреки существующим ранним историческим свидетельствам, относит освоение этих территорий ко времени правления Рюрика.

Стремление преувеличить значение древнейших правителей Руси, приписать им дальние походы и власть над обширными территориями, которые не контролировались восточными славянами и первыми представителями династии Рюриковичей, сочетается в тексте Кроника с ярко выраженными региональными предпочтениями, местным патриотизмом. Список восточнославянских племён, приводимый в Кронике, неполон. В нём отсутствуют киевские поляне (крупнейшее племя, вокруг которого складывалась «империя Рюриковичей»), северяне, вятичи и радимичи. Отсутствует в списке и племя новгородских словен. Этноним «славяне» употребляется в Кронике в более широком смысле, для обозначения восточных славян или всего славянства в целом. Не упоминаются крупнейшие города Северо-Восточной Руси — Владимир, Суздаль и Москва, составитель Кроника называет только Ростов (точнее, ростовцев). На л. 3 упомянут великий князь Василий Дмитриевич, но при этом не указано, что он был московским князем.

Уже говорилось, что в тексте Кроника проявляется недоверие к православию украинцев. Очевидно, памятник отражает ранний этап обособления этни-

⁵⁰ Там же. Стб. 6, 11.

⁵¹ Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Т. 1. М., 2007. С. 173.

ческого самосознания великоросского населения по отношению к другим восточнославянским народам. Тем не менее ряд топонимов и территорий в пределах современной Украины в этом памятнике упомянуты, в первую очередь, в связи с важнейшим эпизодом биографии княгини Ольги — историей её мести древлянам. Этому эпизоду посвящена довольно значительная часть текста. При этом неоднократно упоминается расположенный в пределах Житомирской обл. летописный Искоростень (в Кронике «Кростель», современный Коростень). Следы знакомства с географией и топонимикой Украины отразились в имени одного из легендарных князей, подчинявшихся Ольге, — Чернигова (л. 35а), и в упоминаниях рек Днепр («Непр» — л. 28 об.) и Десна («Дисна» — л. 35а). Географическая приуроченность локализуемого в Западной Украине племени бужан и р. Буг могла неясно представляться составителю Кроника по причине существования двух рек, носящих название «Буг» (Южный и Западный). Киев упоминается в тексте Кроника только один раз (л. 56 об.) как город «в Синдерской земле» (т.е. якобы в земле древлян, западных соседей киевских полян).

Поскольку основная часть Кроника посвящена эпохе становления Русского государства и деятельности первых князей, составитель этого текста, очевидно, должен был отразить в нём своё видение механизмов становления и функционирования государственной власти в рассматриваемый период. В связи с его особым вниманием к первоначальному освоению северных окраин может быть проанализирован вопрос о том, как этот книжник конца XVII в. представлял себе процессы подчинения иноплеменного населения и колонизации периферийных территорий.

Нельзя не отметить, что текст Кроника отражает достаточно ясные и прагматические взгляды на указанные процессы. Становление государственности характеризуется как установление даннических отношений, сопровождающееся структурированием населения для организации сбора дани. «Собирающе всякую дань и вспоможение» (л. 10 об.). «Дань даяху своим князем и старейшинам и всякое вспоможение» (л. 13). Постоянно упоминается повинность доставки даней: «И дань всякую в Великий Славен[ск] отвозиша» (л. 11). Представление о государственной власти передается словами «обладати», «приводить к послушеству» (л. 11, 11 об.). Установление даннических отношений, начиная с древнейших легендарных князей, сопровождается использованием печатей. Думается, что для догосударственного периода это анахронизм, модернизация истории.

В качестве податной единицы неоднократно упоминается «обжа», соответственно, обложенное данями население носит название «обежных людей». Наряду с «обжей» в аналогичном значении упоминается «веревка» (ср. вервь Русской Правды). Из текста явствует, что эти слова используются как синонимы. «В веревки по три жилца живущих» (л. 23). На л. 20 об. фигурируют пятины — крупные территориальные единицы Новгородской земли, известные по позднейшим (не ранее последней четверти XV в.) текстам. В тексте Кроника сообщается о структурировании (регламентации) полномочий представителей верхушки общества: «Своих князей посадиша по коленом и по именам в тех градах» (л. 10 об.).

По инициативе властей возник ряд укреплений. Составитель Кроника предпочитал использовать для них уменьшительную форму «градец». Очевидно, он отдавал себе отчёт в том, что эти укрепления первоначально мало походили на города эпохи развитого и позднего Средневековья. Сходная проблема

возникала ещё перед древнейшими летописцами. В тексте Повести временных лет древнейший Киев упомянут как «градок»⁵². Из текста Кроника явствует, что раннесредневековые укрепления были земляными. На это указывает выражение «изсыпать градец».

Государственная власть подразумевает право собирать войска. На л. 20, в Увете Гостомысла читаем: «Княжити и всеми вами обладати, и им дани платити, и ратных людей собирати». Военная функция княжеской власти отражена в договоре новгородцев с князьями Игорем и Олегом: «Нас, и грады наша, и всякая строения в земли нашей, и пристанища кораблей не отдать и не запустошить, самому не разорить и в разорение не дать» (л. 28).

Образование государства и подчинение ему новых земель представлялись составителю Кроника как призвание правителей и заключение с ними договора или как результат военных действий. Утверждению государственности на подвластных и вновь осваиваемых территориях в тексте придана форма объезда земель. Можно вспомнить знаменитый путь «из варяг в греки» и его государствообразующую роль, походы княгини Ольги, устанавливавшей «уставы и уроки»⁵³. Объезды сопровождалось выявлением и учётом богатств края, в частности, связанных с архаичными присваивающими формами хозяйства. «Промыслы их, звероловитвы, и рыболовитвы, и жемчужные реки» (л. 24 об.).

Объезды владений могли предприниматься младшими представителями княжеской семьи или княжескими посланцами. Ольга, в те время ещё княжна, обходила территории Псковской и отчасти Новгородской земель по указанию Гостомысла (л. 17, 17 об.). Рюрик направил знатное семейство осваивать Подвинье и Поморье (л. 22 об.). Представители этого семейства подчинили местное население Рюрику и Ольге. В одном случае можно понять текст так, что эти эмиссары новгородского князя проявляли в своей деятельности на дальних северных окраинах достаточную самостоятельность и собственную инициативу. «Той же Ухто своим промыслом в той стране к послушеству приведе люди тья» (л. 24). Это указание вполне соответствует реалиям деятельности позднейших землепроходцев; более чем вероятно, что образ действий колонистов первых веков русской истории также был отмечен этой чертой.

Кроме князей и старейшин в Кронике можно найти названия менее высоких должностных лиц. Это наместники, приказчики и урядчики (л. 35а об.). Один из братьев-первопоселенцев Подвинья и Поморья назван «населником». Очевидно, этот термин можно понимать как «колонист», «колонизатор». Термин можно сопоставить с древнегреческим «ойкист» (*οἰκιστής*) — основатель колонии, и с позднейшим южнорусским «осадчий». Любопытно, что из трёх братьев, посланных осваивать окраинные земли, «населником» назван только старший — Кур. Вероятно, это связано с тем, что только ему приписывается построение нескольких городков. На л. 23 Кур назван «населником страны тоя и судейкой». Очевидно, на ранних этапах государственного освоения территорий деятельность представителей верховной власти непременно включала судебные функции.

Дальнейшее сравнительное и аналитическое изучение Псковского Кроника 1689 г. и содержащейся в нём историко-географической информации может оказаться достаточно перспективным. Отметим, что в этом тексте отчётливо звучит мотив обоснования исторических прав России на побережье Балтики.

⁵² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 20.

⁵³ Там же. Стб. 60.

«Державою же и владением великого князя Гостомысла и сына его младого Славена по всему взморию (в данном случае речь идёт о Балтийском море) многия грады построены и оброки и дани всякия тех градов и со всего корабельного пристанища платили» (л. 19); «И всякия строения в земли нашей и пристанища кораблей не отдать и не запустошить» (л. 28). Подобные настроения в конце XVII в. обращены в будущее, предвосхищая события Петровской эпохи.

Приложение

Фрагмент текста Псковского Кроника, посвящённый освоению Русского Севера (л. 22 об.—26 об.)

В⁵⁴

В Поморскую страну на горы и на холмы⁵⁵, по всему по взморию того студеного акияна моря великаго, в население посла великий князь Рюрик Прусские земли⁵⁶ мать з детми ея. 1 сын Кур, 2 — Ухто, 3 — Лисе и дочь Горка. И приехав та мати в ту Поморскую страну, раздели достояние свое. Болшаго сына своего Кура посади на остров (л. 23) и именова той остров во свое имя Куростров⁵⁷. Середняго сына своего Ухта посади на другом острове, и той сын именова его во свое имя Ухтоостров. Меншаго сына Лисе посади на третьем острове, и той Лис именова той остров во свое имя Лисестров. Сама же та мати отиде на брег реки тоя вдалье 5 поприщ, вселися на горе и именова ту гору во свое имя Матигоры Болшия. Дщери своей даде другую гору, и та дщерь ея именова ту гору во свое имя Матигоры Меншия⁵⁸. И той населник страны тоя и судейка Кур пойде по реки той вверх. И найде население людей, в послушество себе приведе пятьсот веревок⁵⁹ (sic!). В веревки по три жилца живущих. И градки между ими повеле изсыпать. 1 имя Туровец, 2 имя Вотложенец⁶⁰. Всякия дани на них побра и твердость положи на них великаго князя Рюрика и великия княини Ольги Изборсковны⁶¹, правица печать их. Той же Кур пойде по той реки вверх, и дойде Сухоны реки (л. 23 об.), а в тое Сухону пала Юг река. Обе пали в той проток, на низ пошли и наусть тех рек. Той населник Кур обре-

⁵⁴ Прописные буквы посередине строки в рукописи отделяют разделы текста в качестве своеобразных инициалов. Как правило, они соответствуют начальной букве следующего абзаца или ключевого слова первой фразы.

⁵⁵ Для низовьев Северной Двины, куда, согласно тексту, прибыло семейство первопоселенцев, ни горы, ни холмы не характерны — это типично равнинная местность. Очевидно, на составителя текста повлиял топоним Холмогоры. Отметим, что в ранних источниках город носит название Колмогоры.

⁵⁶ В Начальной летописи Рюрику приписывается варяжское (скандинавское) происхождение. Сообщение о том, что он прибыл из Пруссии, является несомненным свидетельством использования составителем Кроника «Сказания о князях владимирских».

⁵⁷ Остров расположен в нижнем течении Северной Двины, напротив Холмогор.

⁵⁸ Топонимы Матигоры, Куростров, Ухтоостров и Лисестров (Лисичь остров) известны с конца XIV в.

⁵⁹ Ср. древнерусск. «вервь» (Русская правда). Библейский царь Давид мерил пленных моавитян, положив их на землю, верёвкой (2 Цар. 8: 2). Из дальнейшего текста становится ясным, что «верёвка» тождественна «обже».

⁶⁰ Туровецкий погост и Вотлажемское городище находятся около Устья Великого (в Котласском районе Архангельской обл.). Авторы пользуются случаем выразить свою признательность Н.А. Макарову за консультацию.

⁶¹ Отчество княгини Ольги в ранних летописных источниках не упоминается.

те множество людей, и повеле изсыпать градец, именована его Устьюг Великий. И печать даде им великаго князя Рюрика и великия княини Олги Изборсковны правица печать. И дани всякия на них побере. Той проток именована Двина река, пала во окиян море трема устии длины пятьсот поприщ. Той же населник Кур пойде берегом от городца Устьюга по левую сторону, и дойде Ваги реки, в ту Вагу реку впади мнози реки, и обрете около тех много население людей и изверста по тем по рекам пятьсот беж тяглых людей, к послушеству приведе, и всякую дань на них побра. На Ваги реки повеле изсыпать Шенкурской городок. И население по три жилца в обжу. Великаго князя Рюрика и великия княини Олги укрепление и печать и правица сия. И дойде той Кур до Белозерских (л. 24) предел, и возвратися в третий год к матери своей, и в население свое в Куростров. И на верхнем посаде повеле изсыпать градец и нареце его Холмыгоры. И по всей той страны на всех живущих людех всякия дани и тягло собрав, двенадцать тысяч⁶² собрав, в Великий Нов град великому князю Рюрику и великия княини Олги Изборсковны по вся лета отвозил.

.Т.

Той же матери сын другой, именем Ухто пойде по взморию по летней стороны того акяна моря, и дойде Мезени реки и Пуста озера. И обрете тамо многое население людей, и промыслы их морския озре, идеже звери ловят и побивают, великаго зверя моржа, и лысцы⁶³ белуги⁶⁴, и ворвани⁶⁵. Также и рыбныя половы по островам морским, по большим и малым. Той же Ухто своим промыслом в той стране к послушеству приведе вся люди тыя (л. 24 об.) и дани всякия на них побере. Того же великаго моря пойде по взморию и дойде Печеры реки. И тамо живущия люди и населения и промыслы их, звероловитвы, и рыболовитвы, и жемчужныя реки знаки, и станы их, и в той стране озре и к послушеству приведе, и дани всякия на них побрал, на великаго князя Рюрика, и на великую княиню Олгу Изборсковну, правица и утверждение и печать великаго князя Рюрика, и на великия княини Олги Изборсковны. Той же Ухто пойде по взморию того великаго моря и дойде Новая Земля и до снежных слоевых (?) гор и до каменных гор непроходимых и до проливы того великаго акяна моря⁶⁶, до великих рек, до Выми реки и до Оби реки, иже тыя две реки солишася во едино место⁶⁷ и то словесом Тасовское море⁶⁸ во стране той. Той же Ухто во стране той вся люди тыя к послушеству великому князю Рюрику и великия (л. 25) княини Олги Изборсковны приведе и всякую дань на них побере, знак и правицу, и печать им вручив, сам возвратися к матери своей и к братии на Холмыгоры, якоже и предния князи славенорустии, Лах и Лахерн⁶⁹, в Великий свой град Славенск. И дойде населения своего, Ухтострова, ко бра-

⁶² Платёжная единица здесь и далее не указывается. По обстоятельствам времени и места речь идёт, скорее всего, о меховых ценностях (шкурках белок или соболей).

⁶³ Возможно, «лысаны» — трёхлетние тюлени (Словарь русского языка XI—XVII вв. Т. 8. М., 1981).

⁶⁴ Очевидно, не рыба семейства осетровых, а белуха — зубатый кит.

⁶⁵ Очевидно, не перетопленный тюлений жир, а морское животное.

⁶⁶ По-видимому, имеется виду пролив Югорский Шар, игравший важную роль на раннем этапе полярного мореплавания в восточном направлении.

⁶⁷ Недостоверная информация. Обь впадает в Карское море, Вымь — приток Вычегды.

⁶⁸ Тазовская губа, залив, в который впадает река Таз.

⁶⁹ Легендарный скифский князь. Место в окрестностях Константинополя, где он был убит, получило в память о нём название Влахерны (позднее там была построена известная церковь).

тии своей, Курострову, и Лисестрову, и все собрание и княжу дань пятнадесять тысяч матери своей и братии отдаде, славя Садца бога и Волна⁷⁰.

.Л.

Той же матери менший сын Лисе поиде по слову матери своей кочем своим по тому ж Акияну-мору, по знаку небесного осияния солнца, и луны, и протчих звезд. Нощный преход храняся в день по ветрам по Терской страны и дойде знаку⁷¹ и населения людей и урочища по местам Нюхчи, Ненехчи⁷², Пилской губы⁷³, (л. 25 об.) Умбы реки, Варзоги и Керети слудных гор и от тых мест поиде восточными четырьмя домы ветров знаменми небесными, четырьмя домы западными, четырьмя домы южными, четырьмя домы северными до западу.

Иде востоком и до полунощия⁷⁴ и дойде супротиво идущия воды и земли. В правую беть коча по великому морю-акияну пять дний и пять нощий ни земли, ни знаменья видех⁷⁵, токмо вода и небо и звезды небесныя. Три дни видех и осияние луны и солнца светлость и облистание. И с летнюю сторону поидох побережником ветром в левую беть кочем моим и доидох знаку земли до Святого Носа, и поидох коцем моим в правую беть по Терской (л. 26) стране и доидох знаку земли, словес Канин Нос. И от того пошло великое море и лдов несть, едина вода и небо и идох кочем моим пять дний и озрех знак земли и население людей, и Печенгу реку, и усть Колы реки, и промыслы их, и морския рыболовитвы, и станы. Озрех и к послушеству их той Лисе приведе великому князю Рюрику и великой княгини Ольги Изборсковны правица, печать и дань и оброки на них лопских людех⁷⁶ побра по обе стороны того великого моря-акияна под сивер и под полуношник ветров то великое море конца не имать.

Потом той Лисе возвратися восвоися и поидох коцем своим по знаменьям трема ветры — 1. севером, 2. полуношником 3. летником, 4. подбережником и прочими 12 ветры и идох коцем моим дванадесять (л. 26 об.) дний и дванадесять нощий, ровною погодою, доиде Холмъгор и Матигор болших и менших и братий своих Курострова, Курьи, Ухтоострова и своего населения Лисестрова городца⁷⁷ верхнекод (?) посад и нижекод посад к Глинки, ведомо, и дань, и уверение всея поморския страны, от севера и до запада и полунощия ветров всякия дани на людех взях 12 тысяч навпередь обложих и до смерти великого князя Рюрика и по смерти его великой княгини Ольги Изборсковны в Великий Нов град отвозили.

⁷⁰ Уникальные теонимы, представленные только в рассматриваемой рукописи, в которой славянам-язычникам приписывается единобожие.

⁷¹ Здесь и далее слова «знак», «знак земли» не являются обозначением какого-то сооружения, ориентира. Видимо, речь идёт о том, что мореход достиг места, с которого виден берег.

⁷² Нам не удалось идентифицировать этот топоним. Возможно, Нёнокса (идентификация предложена Д.В. Лисейцевым).

⁷³ Пильская губа, в которую впадает река Пила, не показана на карте. Она расположена поблизости от устья р. Умбы (немного к северо-западу).

⁷⁴ «Полуношь» обозначает по-старославянски «север». Поскольку поморское название ветра «полуношник» обозначает «северо-запад», возможно, в данном случае речь идёт об этом направлении.

⁷⁵ Здесь и далее используются формы первого лица.

⁷⁶ Лопари, саамы.

⁷⁷ Поскольку Лисе не фигурирует как основатель укреплённых поселений, а в данном случае говорится о городке, имеющем сложную, развитую структуру (два посада, глинистая местность), речь идёт, скорее всего, о Холмогорах. В XVII в. здесь был известен Глинский посад (авторы выражают свою признательность Д.В. Лисейцеву за консультацию).